

Самореализация и дети: логики использования пространства в нарративах россиянок¹

Иван Забаев

Кандидат социологических наук, заведующий научной лабораторией «Социология религии»,
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет.

Адрес: ул. Новокузнецкая, 23Б, Москва, Российская Федерация, 115184

E-mail: zabaev-iv@yandex.ru

Елизавета Кострова

Кандидат философских наук, научный сотрудник научной лаборатории «Социология религии»,
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет.

Адрес: ул. Новокузнецкая, 23Б, Москва, Российская Федерация, 115184

E-mail: elizakos@mail.ru

Мария Голева

Младший научный сотрудник научной лаборатории «Социология религии»,
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет.

Адрес: ул. Новокузнецкая, 23Б, Москва, Российская Федерация, 115184

E-mail: m.goleva@mail.ru

Демографическая проблема вызывает стабильный интерес исследователей, особое значение в этом контексте имеет тезис о связи снижения рождаемости с распространением ценностей самореализации и индивидуализации. В данной статье связь ценностей самореализации, семьи и деторождения рассматривается в контексте прагматического и пространственного поворота в социальных науках. Эмпирическую базу составили проведенные в 2008-2021 годах глубинные интервью с женщинами, не имеющими детей или имеющими от одного до девяти детей (всего 53 интервью). Анализ данных показал, что информантки используют пространственные образы для описания повседневности и жизненных планов, в том числе планов о рождении детей, и эти образы различаются в зависимости от количества детей. Были выявлены три логики использования пространства: «путешествие», «логистика», «дом». В логике «путешествие» человек с оптимизмом видит перед собой неограниченный, открытый горизонт жизненных стратегий и возможностей. «Логистика» описывает совершенные множества действий по совмещению и организации ресурсов всех членов семьи в связи с пространственной близостью или удаленностью объектов для обеспечения самореализации большого количества детей. «Дом» отражает постоянные усилия по поддержанию целостности семейного мира, баланса между отъездами и возвращениями. Ценности самореализации значимы для всех трех логик, но индивидуалистические установки и поведение ярко выражены только в одной из них («путешествие»). В то же время в логике «дом» индивид соотносит свою самореализацию с благополучием всех остальных членов своей семьи, а в случае с «логистикой» создается сложный конструкт из людей, мест и отношений, призванный обеспечить условия для самореализации. Мы предполагаем, что различные логики использования пространства позволяют увидеть рассогласования между такими, казалось бы, крепко связанными вещами, как построение семьи и рождение детей (максимизация рождения детей).

Ключевые слова: логики использования пространства, ценности самореализации, деторождение, рождаемость, прагматический и пространственный поворот, религия

---

1. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 18-78-10089, <https://rscf.ru/project/18-78-10089/>. Организация выполнения проекта — Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет.

Постановка вопроса

Демографическая проблема остро стоит во многих странах, вызывая стабильный интерес ученых; и Россия не является здесь исключением. В недавних исследованиях (Малева, Синявская, 2006; Рощина, Бойков, 2005; Архангельский, 2006; Горелкина, 2007; Голева, Павлюткин, 2016; Павлюткин, Голева, 2020) проанализирована роль многих факторов в динамике рождаемости в России, а именно образования, занятости, изменения состояния медицины (в частности, в сфере контрацепции), социального положения, религиозности, матримониального статуса, жилищной обеспеченности, различий в ценностных и репродуктивных установках, социального окружения. Особое значение в этом контексте имеет тезис о связи снижения рождаемости с распространением ценностей самореализации и индивидуализации. Так, демографическая модернизация связывается с «переносом центра тяжести социального контроля над демографическим и семейным поведением людей с институционально-коллективного на индивидуальный уровень» (Демографическая модернизация, 2006: 137).

Дискурс и его противоречия

На сегодняшний день общественно-научный дискурс о деторождении, связанный с теорией второго демографического перехода, опирается на определенную логическую модель, которая хотя и не проговаривается нигде явно, однако в виде отдельных элементов присутствует во многих текстах². В сжатом виде эту модель можно сформулировать следующим образом:

1. в обществе распространились ценности самореализации;
2. в результате люди (в частности, женщины) стали включаться в те или иные траектории собственного развития (карьера, образование) и реже и/или позже вступать в брак (долговременное партнерство);
3. перечисленные процессы способствовали снижению рождаемости.

Как можно заметить, эта логика включает в себя несколько тезисов:

Тезис 1. В современном обществе распространены ценности самореализации.

Тезис 2. Ценности самореализации отрицательно влияют на рождаемость.

Тезис 3. [Зарегистрированный] брак важен для рождаемости.

Тезис 4. Ценности самореализации блокируют вступление в брак.

Для данной работы важны прежде всего тезисы (2), (3) и (4). Рассмотрим подробнее те проблемы, которые за ними стоят.

---

2. Здесь мы резюмируем «ценностную концепцию детерминации рождаемости» (Вишневецкий, 2019: 190-191), однако существует еще и «полезностная концепция детерминации рождаемости». Согласно последней, если раньше дети приносили родителям пользу, то теперь они приносят убытки и становятся дорогостоящим проектом (см., напр.: Caldwell, 1976). Подробнее об этой концепции, о ее критике и о том, почему все же получила распространение ценностная концепция, см., напр.: Вишневецкий, 2019: 186-191.

Тезис о связи брака и рождаемости (тезис 3) является фактически общим местом: он может быть обнаружен как в исторических исследованиях, так и в работах, посвященных анализу современности. С одной стороны, обобщая обширный исторический материал, М. Ливи Баччи отмечает, что «[п]очти во всей Европе... брак предоставляет некое законное право на воспроизводство: рождения вне брака обычно составляют крайне малую часть (десятые доли процента) от всех рождений» (Ливи Баччи, 2010: 145-146). С другой стороны, вклад сокращения количества браков в снижение рождаемости отмечается и применительно к современной России: «В последнее десятилетие сократилось количество браков. <...> Гражданский брак менее устойчив, чем зарегистрированный, в связи с чем гражданские браки, как правило, малодетные... Если ребенок рождается в гражданском браке, то брак либо регистрируется в органах ЗАГСа, либо женщина больше не рождает детей» (Шелехов, Берестнева, Жаркова, 2010: 138). Связь брачности и рождаемости демонстрируют исследования на различных массивах данных³ (Рощина, Бойков, 2005; Малева, Синявская, 2006; Синявская, Тынди́к, 2009). Конечно, дети рождаются и вне брака, но вторые и последующие рождения осуществляются, как правило, в браке (Малева, Синявская, 2006; Тынди́к, 2012; Малева, Тынди́к, 2013).

Фиксация связи семейности (брачности) и рождаемости примыкает к основному нарративу теории второго демографического перехода: его теоретики настаивали на том, что изменения в нормах деторождения были связаны с ценностными сдвигами (тезис 2) (Каа, 2002), в отличие от первого демографического перехода. Так, Д. Ван де Каа утверждает, что «[e]сли при первом переходе к низкой рождаемости ключевыми становились вопросы семьи и потомства, то при втором подчеркивались вопросы прав и самореализации личности...» (Каа, 1987: 5-6)⁴. Соответственно, теперь «все помыслы человека сосредоточены на самореализации, свободе выбора, личном развитии, индивидуальном стиле жизни, эмансипации, и это находит отражение в формировании семьи, установках в отношении регулирования рождений и мотивах родительства» (Каа, 1996: 425). Не только экономические соображения, но и новое культурное наполнение (в виде прежде всего самореализации и индивидуализации) приводит к тому, что люди все реже вступают в брак и рожают все меньше детей.

При этом демографы имеют тенденцию говорить о самореализации в тесной связке с индивидуализацией, как будто опираясь на концепции Р. Инглхарта и А. Маслоу. Однако ни один из упомянутых исследователей не противопоставлял самореализацию коллективизму⁵. Между тем убедительность тезиса о влиянии ценностей самореализации на упадок семьи зависит от того, противостоит ли

3. В первую очередь панельное социально-демографическое обследование «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (РиДМиЖ) и Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (РМЭЗ НИУ ВШЭ).

4. См. также: Hoffmann-Nowotny, 1987: 113-200; Lestaege, 1983.

5. Например, у Р. Инглхарта самореализация противостоит материалистическим ценностям (Inglehart, 1971; Inglehart, 2018).

самореализация, сцепленная с индивидуализмом, социальному контролю любого сообщества над индивидуальным поведением. Если необходимым оппонентом самореализации является не коллективизм, а материализм (Inglehart, 1971; Inglehart, 2018), с фокусом на выживании и безопасности, то и гибель семьи перестает быть неизбежным следствием распространения новых ценностей.

Тем не менее в целом модель «Ценности-брак-деторождение»⁶ выглядит непротиворечивой и понятной. Однако логика модели такова, что позволяет убедительно объяснить только бездетность⁷ и снижение рождаемости в одних случаях (люди стремятся самореализоваться — браки не заключаются — дети не рождаются) и многодетность и отсутствие снижения рождаемости — в других (люди не стремятся самореализоваться — браки заключаются — дети рождаются). Не вполне понятно, как при помощи этой модели объяснить появление одно- и двухдетной семьи как чего-то самостоятельно значимого: такая семья оказывается не более чем случайным отклонением по отношению к бездетным или многодетным — в то время как именно малодетная⁸ семья («не менее одного ребенка и не более двух») на сегодняшний день является «единой для всех страт социальной нормой» (Синявская, Тындик, 2009: 30; Захаров, Чурилова, Агаджанян, 2016; Testa, 2012).

Получается, что модель, связывающая ценности и рождаемость с фокусом на одной ценности (самореализация или самореализация в сцепке с индивидуализацией), может предсказать только два исхода: либо отсутствие детей, либо многодетность⁹. Все остальные случаи должны оказываться не более чем флуктуациями. Нормативность и распространенность двухдетности наводит на мысль, что ценностная модель должна быть устроена сложнее, допуская для двухдетности собственную логику¹⁰.

Итак, в данной статье, отгалкиваясь от анализа неформализованных интервью с потенциальными или реальными матерями, мы хотим сосредоточиться на следующих вопросах:

1. Если индивид разделяет ценности самореализации, обязательно ли это приведет его к отказу от деторождения?

---

6. Ценности и семейные структуры иногда предполагаются жестко связанными, а иногда просто действующими синхронно. Базовой логики модели это не меняет.

7. В рамках данной работы «бездетными» были названы респонденты (и их семьи), не имевшие детей на момент проведения интервью.

8. В рамках данной работы «малодетными» были обозначены респонденты (и их семьи) с одним-двумя детьми.

9. Здесь открывается возможность поставить и другой вопрос: «Действительно ли самовыражение, качество жизни индивидов противостоят семье и детям как ценности?!» (Лебедева, 2019).

10. Необходимо оговориться: объяснения требует не количество как таковое, а социальная норма, которая сейчас имеет такое количественное выражение — два ребенка. Можно ли говорить о том, что демографический показатель «идеальное количество детей», равный в нашем случае двум, имеет под собой какое-то самостоятельное содержание, а не является просто статистически наиболее часто встречающимся значением переменной?

2. Можно ли обнаружить какой-то собственный, особый набор позитивных смыслов у тех людей, которые рожают одного-двух детей?
3. Так как связка семья/деторождение представляется самоочевидной, «семья» легко превращается в инструмент максимизации деторождения и утрачивает самостоятельный смысл. В каком смысловом, феноменологическом отношении находится семья к (а) максимизации деторождения и (б) ценностям самореализации?
4. Что вышеперечисленное может значить для государственной социальной политики в масштабах страны?

* * *

Проводя в рамках различных проектов (уже в течение 13 лет) исследовательские интервью на темы рождаемости и семейной жизни, мы обнаружили, что респонденты очень часто описывают свою жизнь в пространственных категориях. Этот факт побудил нас к тому, чтобы уделить этому обстоятельству более пристальное внимание. Дело в том, что сообщения информантов о пространстве не являются чем-то случайным. Те или иные пространственные практики формируют жизнь общества: «социальные практики оформлены пространственными паттернами (spatially patterned), которые оказывают на эти практики серьезное содержательное воздействие» (Urry, 1995: 64 — цит. по: Филиппов, 2008: 14). Пространственные практики — это то, из чего складывается повседневная жизнь людей и декларируемые ценности (в том числе и ценности самореализации). Они могут быть очень по-разному инкорпорированы в жизнь человека; могут корректироваться и изменяться (отчасти или полностью) в ходе повседневной жизни.

Чтобы обойти те противоречия, которые мы обнаружили в научном анализе динамики рождаемости, связанном с демографией, мы решили обратиться к ресурсам тех теоретических направлений в современной социологии, которые анализируют проблемы социального порядка и, шире, отдельные социальные феномены, акцентируя не ценностную (временную), но пространственную составляющую.

Тело, пространство, практическое чувство

Та перспектива, из которой мы хотели бы взглянуть на проблему связи ценностей, семьи и деторождения, очерчена прагматическим и пространственным (spatial turn)¹¹ поворотами в социальных науках последней трети XX века — начала XXI века. Прежде всего для нас важно понятие практического чувства, как его описывает П. Бурдьё в связи с центральными понятиями своей социологии — габитусом и его воспроизводством:

---

11. Ниже мы в основном следуем работе: «Место мест и практическая схема пространства» (Филиппов, 2008).

«Почти телесная направленность видения мира, не предполагающая, однако, ни тела, ни мира и в еще меньшей степени их отношения, присущая миру и служащая проводником его неизбежности, того, что нужно делать или говорить, прямо диктующая действия или слова, — практическое чувство ориентирует «выбор», который, хотя и не является намеренным, не становится от этого менее систематическим и который, хотя и не управляется и не подчиняется организующему воздействию со стороны цели, не перестает быть носителем определенного рода ретроспективной целесообразности» (Бурдье, 2001: 128).

В центр всей системы здесь ставится не смысл или ценность, но тело, которое «является не простым фрагментом мира, а местом определенной переработки и как бы определенным видением мира» (Мерло-Понти, 1999; 451 — цит. по: Филиппов, 2008: 140). Практическое верование — это состояние тела. Практическое чувство позволяет практикам быть наполненными здравым смыслом, даже если сами агенты до конца этот смысл не рефлексируют (Филиппов, 2008: 133-134). Тем не менее до какой-то степени они способны его осознать и хотя бы указать на важные для них различия. Сам Бурдье приводил в пример описание кабильского дома, в котором в символической форме содержались параллелизмы пространственного и социального (мужское-женское/верх-низ). Мы не настаиваем на подобном жестком параллелизме¹²; скорее, мы хотим обратить внимание на те категории, в которых агент будет предъявлять свое практическое чувство, свою соотнесенность с миром.

Тело действующего занимает в мире, в пространстве некоторое место, и Другой, в свою очередь, воспринимается как занимающий какое-то (другое) место, которое действующий мог бы в какой-то момент времени занимать и сам. Соответственно, место несет не только нейтральный физический, но и социальный смысл. Поэтому «[н]рядом с «совместными», «разделяемыми» ценностями... есть общность места, есть место мест, где именно индивидуализировано данное место: не как место данного индивида (потому что он мог бы занимать и другие места), но как место, отличное от других мест. ...Таким образом, место, как одно из возможных мест, располагается в «социальном окружающем мире» (soziale Umwelt)» (Филиппов, 2008: 142-143). Как уже отмечалось, важно, что в этом случае осмысленность не означает «знания», но происходит на дорефлексивном уровне «воплощенного» практического чувства (Там же: 144-145)¹³.

Таким образом, отказываясь от фиксации «совместно разделяемых ценностей», мы сместим фокус на мир «соприсутствия», на то, как респонденты предъявляют те или иные пространственные объективации своего опыта. Мы обратим внимание на совокупность значимых для акторов мест, типы мест и способы их соот-

12. Критику см. в: Филиппов, 2008.

13. Для нашего исследования существенно, что «[п]реимущественным... местом объективации «порождающих схем» является обитаемое пространство, начиная с дома, жилища» (Филиппов, 2008: 144-145).

несения, варианты перемещения между ними. Мы предполагаем, что описания реальных или потенциальных перемещений дадут нам возможность увидеть ту систему различий, которую акторы применяют для описания интересующей нас области реальности.

Метод исследования, данные

Для получения ответа при данной постановке вопроса мы проанализировали биографические лейтмотивные интервью, выделив те метафоры, которыми респонденты пользуются для описания своей жизни, пытаясь ухватить происходящее с ними в его целостности.

Начало данному исследованию было положено в 2008 году, когда авторы столкнулись с тем, что респонденты используют пространственные метафоры (в частности, метафоры «путешествия» и «мегаполиса») для описания своей жизни¹⁴. Тогда мы не смогли вынести анализ таких метафор в отдельную тему, имея к тому же только интервью с бездетными и родителями 1-3 детей. Для появления аналитической различительности необходима была существенно большая вариативность признака. К настоящему моменту накоплено минимально достаточное количество интервью, которое позволяет различать между бездетными, малолетними (1-2 ребенка), многодетными (3-4 ребенка) и сверхмногодетными (5-9 детей).

В настоящем виде исследование опирается на глубинные интервью, собранные сотрудниками Научной лаборатории «Социология религии» в 2008-2021 годах при реализации нескольких исследовательских проектов. На основании четырех массивов данных были отобраны 53 интервью с женщинами¹⁵, проживающими в разных городах России¹⁶.

Конструирование подвыборки осуществлялось в несколько шагов с применением подхода теоретической выборки¹⁷. На первом этапе мы рассматривали предположение о том, что люди без детей и люди с тремя и более детьми осмысляют

---

14. В данном исследовании мы столкнулись с различием между логикой презентации и логикой открытия. Толчком для него стало удивление от того, что люди описывают свою жизнь с детьми и в перспективе деторождения в пространственных категориях. Такова логика открытия. Логика же презентации требует более общепринятого изложения, чтобы материал был понятен читателю и сопоставим с другими исследованиями. Сообщенная напрямую, логика открытия подобную коммуникацию может затруднить. (Garfinkel, Lynch, Livingstone, 1981; Lynch, Livingston, Garfinkel, 1983). Таким образом, с точки зрения логики презентации — это статья о семье и деторождении; с точки зрения логики открытия — это статья по социологии пространства.

15. Фокусировка на женщинах обуславливается тем, что, согласно исследованиям, гендерное распределение ролей в семье является значимым фактором для организации семейной жизни. Соответственно, можно предположить наличие гендерных различий и при анализе пространственных представлений в контексте самореализации.

16. Информанты проживали в следующих городах России: Москва, Санкт-Петербург, Пермь, Архангельск, Владимир, Гороховец, Мытищи, Королев, Нижний Новгород, Новосибирск, Хабаровск, Якутск.

17. В нашем случае выборка является ретроспективной, так как мы обращались к вторичным данным.

жизнь по-разному. Для этого было проведено сопоставление интервью с женщинами без детей и с многодетными матерями. Его результаты выявили наличие двух логик осмысления своей жизни («путешествие» и «логистика»), а также необходимость дополнительного обращения к интервью матерей одного-двух детей: возможно, различия в представлениях о городском пространстве и жизненном горизонте были обусловлены не только количеством детей, но и возрастом, а также семейным положением. Среди женщин, не имеющих детей, были сопоставлены интервью тех, кто мечтает сменить город проживания, кто уже переехал, и тех, кто не переезжал. В результате был выявлен еще один тип осмысления семейной жизни в городском пространстве («дом»).

Для реализации описанной выше процедуры были использованы массивы данных четырех исследовательских проектов:

1. Массив данных проекта «Семья и рождаемость в России: категории родительского сознания»¹⁸ составляют 80 интервью. Среди информантов были как люди, не имеющие детей, так и родители одного или нескольких детей, взрослые дети из многодетных семей, а также специалисты по сопровождению детства. Для данной статьи из массива были отобраны 13 интервью с женщинами, не имеющими детей.
2. Из массива данных «50 глубинных интервью с родителями в многодетных семьях»¹⁹, состоящего из интервью с многодетными матерями и отцами, сначала было отобрано 36 интервью с многодетными матерями. Далее для анализа из них были выбраны 14 интервью с матерями, проживающими в городах разного размера (от мегаполисов до малых городов).
3. Из массива данных проекта «Как создаются и живут молодые семьи в современной России? Сравнение семей мирян и священников»²⁰, состоящего из интервью с 26 супружескими парами (зарегистрированный брак; интервью с каждым из супругов в семье проведены отдельно; всего 52 интервью), были отобраны 26 интервью с женщинами. Из них в итоговую выборку вошли 16 записей: 1) 10 интервью матерей одного-двух детей (5 из них не меняли место жительства); 2) 3 интервью с женщинами, не имеющими детей и сменившими город проживания; 3) 3 интервью с женщинами без детей и без опыта смены места жительства.

---

18. Исследование реализовано при поддержке Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета в 2008–2009 годах.

19. Массив данных «50 глубинных интервью с родителями в многодетных семьях (2016)» был собран сотрудниками научной лаборатории «Социология религии» в рамках проекта «Рождаемость и социальные сети поддержки: исследование факторов создания многодетной семьи» (при реализации проекта были использованы средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 1 апреля 2015 г. № 79-рп и на основании конкурса, проведенного Фондом Института социально-экономических и политических исследований — ИСЭПИ).

20. Исследование осуществлено в рамках Программы научных исследований Фонда развития ПСТГУ в 2018–2021 годах.

4. Из 27 интервью с крестными родителями, собранных в рамках проекта «Парадокс связи религии и семьи в современной России» в 2020–2021 годах, было выбрано 10 интервью, из них 6 — с женщинами без детей и 4 — с матерями 1–2 детей.

В совокупном массиве данных присутствуют следующие группы информантов:

- Женщины, не имеющие детей, не состоящие в браке
- Женщины, не имеющие детей, состоящие в браке, без опыта переезда
- Женщины, не имеющие детей, состоящие в браке, с опытом переезда
- Матери одного-двух детей, состоящие в браке, без опыта переезда
- Матери одного-двух детей, состоящие в браке, с опытом переезда
- Многодетные матери, имеющие трех и более детей, состоящие в браке
- Многодетные матери, не состоящие в браке (сожительство)

Длительность интервью в среднем составляла 1,5 часа; гайды включали вопросы о биографии информанта, его семье и круге общения, о повседневной жизни семьи. Таким образом, гайды не были сфокусированы на повседневной мобильности в городе и восприятии городского пространства, однако эти темы актуализировались в связи с представлениями информантов о жизни и их повседневными практиками.

Образ собственной жизни в пространственных метафорах применительно к деторождению

Анализ данных показал, что информантки с разным количеством детей по-разному используют пространство. Этот результат, конечно, вполне ожидаемый. Однако мы сталкиваемся не просто с различиями в степени чего-то однородного (например, кто-то более богатый, кто-то менее, но в любом случае — речь идет о богатстве); респонденты описывают три принципиально разных, не сводимых друг к другу типа использования пространства — три разных «практики». Далее, отталкиваясь от собственного опыта, от упомянутых практик использования пространства, респонденты выстраивают некоторое видение мира, в котором важную роль играют категории, «метафоры», которые на предыдущем шаге как раз и позволили им свои пространственные практики описать. «Практики» и «метафоры» — два разных сюжета и в данной статье; мы акцентируем внимание на практиках.

Первый тип использования пространства — это «путешествие»: человек с оптимизмом видит перед собой неограниченный, открытый горизонт жизненных стратегий и возможностей. Такое видение преимущественно встречается в интервью женщин, не имеющих детей, или матерей одного-двух детей. Вторая логика использования пространства, «логистика», характерна для матерей трех и более детей. Они видят свою жизнь через множество действий, которые необходимы, чтобы совместить и организовать ресурсы всех членов семьи в связи с пространственной близостью или удаленностью разных объектов. Третий тип практик ука-

зывает не на открытость горизонта и не на бесконечное движение; доминирующим символом здесь оказывается «дом», и мы предполагаем, что эта пространственная фигура описывает нормативный образец современной семьи со «средним» (от 1 до 3) количеством детей. Мы считаем, что дискурс «дома» не является промежуточным между первым и вторым типами пространственных логик, но представляет самостоятельную логику возвращения и зацикливания, закрытости, целостности домашнего, семейного мира.

Ниже типы представлены подробнее. Каждый из типов раскрывается с точки зрения того, как респондентки (1) оценивают себя профессионально (поскольку профессия является ярким маркером самореализации), (2) воспринимают собственное место проживания, непосредственное окружение, свое «здесь-и-сейчас», а также (3) как респондентки относятся к более отдаленным местам, к путешествиям, значительным перемещениям в пространстве, выходящим за рамки повседневности.

Путешествие

Профессия (самореализация)

Этот тип объединяет женщин, которые ярко демонстрируют приверженность ценностям самореализации. Естественно, что они придают большое значение образованию и своей профессиональной деятельности. Для них одинаково важно и то, чтобы работа была интересной, позволяла им развернуть свои способности, и то, чтобы она хорошо оплачивалась. Стоит отметить, что респондентки много размышляют о своей профессии, планируют перспективу продвижения по службе, анализируют свою профессиональную ситуацию на настоящий момент. Это фокус, с которым связывается значительная часть их ожиданий от жизни вообще и вокруг которого они отстраивают свою идентичность. То, что остается за рамками профессии, — скорее, отдых или развлечение, чем нечто такое, во что стоит по-настоящему вкладываться.

«...для меня, если сравнивать работу и личную жизнь — работа все равно серьезнее. <...> Потому что работа, карьера, что написано в трудовой книжке и перечисляется на карту — это то, что можно увидеть, потрогать и оценить, это то, что исчисляется в конкретных каких-то единицах. А то, что в личной жизни — нельзя. И если работа может что-то гарантировать, то личная жизнь — сегодня есть, завтра нет, никто ничего не обещает. <...> ...если работа не подразумевает обучение и продвижение вперед — я бы не пошла на такую работу». (ж., 28 лет, Пермь, нет детей)

Место, где я живу («здесь»)

Для респонденток данного типа характерно критическое отношение к пространству, в котором они непосредственно себя обнаруживают. Можно сказать, что они

не относят себя к городу (поселку, стране...), где родились и/или живут. Их интенция вся направлена вовне, и то, что оказывается вокруг них, служит не более чем точкой старта, которая только и нужна, чтобы оттолкнуться и двинуться вперед, уйти, не оборачиваясь. Конечно, во многих случаях речь идет о переезде из меньшего населенного пункта в более крупный, что прямо связано с улучшением материального положения. Тем не менее кажется, что дело не сводится к более высокому заработку. Независимо от финансовых обстоятельств, вариант «остаться» для респонденток заведомо исключен. На самом деле, деньги — только одна из причин неудовлетворенности. Родной город воплощает нежелательный, отвергаемый образ жизни, и переезд (реальный или планируемый) не вызывает ни тени сомнения или сожаления.

«Я не могу себе представить, чтобы... мне сейчас 23, чтобы потом я жила здесь и в 33, и в 43... это не как я здесь живу, а как осталась и в какой-то момент не уехала». (ж., 23 года, Пермь, нет детей)

Предельно ярко дематериализация «здесь» ради «там» воплощается в интервью респондентки, которая дистанцируется не только от населенного пункта, где живет, но от пространственного образа себя самой — своего жилища, и делает это совершенно сознательно. Ее идентичность настолько перенесена в будущее — и, совсем не метафорически, в «другое место» — что даже в гипотетическом, идеальном «здесь» не остается никаких зацепок, связей, следов, которые только отягощают и отвлекают от главного. Дом неотличимо сливается с гостиничным номером.

«Мой идеальный вариант — это когда у двоих прекрасная карьера, именно не работа, а карьера, движение вверх, движение в плане самосовершенствования, постоянное обучение и прогресс в этом отношении. <...> Чтобы карьера была в порядке, чтобы вечером они — не каждый вечер, но периодически приходили домой, встречались. Животного не надо. Вместе проводили отпуск каждый раз в новом месте. Детей не надо». (ж., 28 лет, Пермь, нет детей)

Далекie страны, чужие города («там»)

Описываемый тип мы обозначили словом «путешествие» по причине исключительного значения новых, неизвестных мест в пространственном восприятии респонденток этой группы. Центр тяжести их мироощущения сильно смещен от «здесь» к «там» (и даже «туда»), что проявляется в их отношении к чужим местам и передвижениям — поездкам, переездам. Стремлению к перемещениям у этих респонденток соответствует и «взгляд путешественника», которым они смотрят на себя и окружающий мир. Для этого взгляда характерна восторженность, — но и некоторая отрешенность, тяга к впечатлениям, жажда новизны, наслаждение бесконечной открытостью («то, чего я не знаю»), неисчерпаемым разнообразием явлений.

Одним из ярких образов «другого мира» становится большой город, мегаполис. Мегаполис описывается как пространство изменяющегося горизонта возможностей²¹, причем такая непредсказуемость и изменчивость воспринимается в положительном ключе, в том числе в контексте возможностей для самореализации, получения образования, построения карьеры, обеспечения финансовой стабильности, но и для более интересной, оживленной и быстрой жизни вообще.

«Впечатлил сам город — с нашим не сравнить. Это не Россия. Я не воспринимаю Москву как Россию. Там идешь по улице, и, конечно, есть дома и дворы, где как у всех, как всегда, обычный дом прямоугольником. Но по большей части мимо домов можно просто ходить и смотреть на них — день пройдешь и не заметишь. Каждый дом — как отдельный мир, с историей. Там люди другие совершенно. Какие-то одиночки, у каждого человека какая-то жизнь и история. <...> Мне кажется, там интереснее жить. <...> Я ориентируюсь только по метро, а дальше я люблю заблудиться. <...> У меня есть любимая книга — «Мастер и Маргарита». Это Патриаршие пруды. Попадаешь в Москву, помнишь, что ты читал у Булгакова про тот сквер, и тебе туда надо. Или, скажем, посмотрел вечером новости, а там взрыв на какой-то станции метро и какой-то такой трагизм — он картину дополняет, что ли. Попадаешь в Москву, приходишь туда. И ходишь на экскурсию, на Воробьевы горы, скажем, <...> и все не как здесь».
(ж., 23 года, Пермь, нет детей)

Логистика

Профессия (самореализация)

Женщины, которых мы отнесли ко второму типу, имеют трех и более детей разного возраста. У них хорошее образование, но дети, их воспитание и уход за ними являются для респонденток более (или как минимум не менее) значимой сферой жизни, по сравнению с профессиональными интересами.

«Я знала, что я выхожу замуж, и все. Будут дети — значит будут. Конечно, у меня были планы про работу, но еще про что-то... Но когда у меня родился первый ребенок, я как раз поступила в аспирантуру, пыталась куда-то ездить, но мне было проще, я ездила и сдавала экзамены. Ну как-то уже само собой это было для меня, что я сижу дома, конечно, мне первое время ужасно

21. Мы используем здесь термин «горизонт» для обозначения (постоянно изменяющейся) границы между жизненным миром человека и его возможными расширениями как в пространстве, так и во времени. См. у А. Шюца: «Мой мир (мир, в котором я живу до сих пор и в котором посредством идеализации «и так далее, и тому подобное», столь существенной для моей естественной установки, я предполагаю жить и в дальнейшем) изначально имеет смысл в типичном случае быть способным к расширению; этот мир с необходимостью открыт. Иными словами, моему миру присущ смысл изначально быть лишь сектором более обширного целого, которое я называю универсумом, — последний является открытым «внешним» горизонтом моего жизненного мира» (Шюц, 2004: 343). О понятии горизонта в феноменологической традиции см.: (Kuhn, 1940: 106-124).

хотелось ходить, выходить, на какую-нибудь работу. Потом у меня родилась вторая, потом третья... Хотя я все это время работала, у меня были ученики по математике». (ж., 39 лет, Москва, 9 детей)

Забота о благополучии других членов семьи заняла место карьеры. Тем не менее это не значит, что ценности самореализации не имеют значения для этих женщин. Скорее, следует говорить о том, что в данном случае на смену собственной самореализации приходит самореализация детей (Дорофеева, 2021), не утрачивая ничего от своей напряженной интенсивности. Выражением этого сдвига может служить исключительное значение, которое придается развитию детей, качеству их образования, их (профессиональному) будущему: ради этого родители готовы преодолевать трудности и пойти на значительные расходы и самоограничения.

«Р.: Все мои пособия и моя зарплата, которую я получаю в детском саду, получается иногда больше, чем получает мой муж, но то, что получает мой муж, у нас уходит на еду, иногда, бывает, не хватает. То, что получаю я, у нас полностью уходит на преподавателей. Все.

И.: На каких преподавателей?

*Р.: Для детей. <...> Вот у нас, например, дети ходят в дом культуры <...> Дальше, у меня старший, которому сейчас пятнадцать лет, он учится в школе. Двое учатся в школе, в которой с восьмого класса начинается профиль, и он выбрал биологию. <...> Весь 7-й класс [он] у нас занимался с репетитором, он занимался биологией, английским и еще чем-то, математикой занимался. В итоге при поступлении в школу за биологию он получил двадцать баллов из двадцати, за химию — тоже десять баллов из десяти. <...> **Я считаю, что мы обязаны дать ребенку такой шанс, такой толчок.** <...> Вера²² наша занималась английским, у нас четверо детей занимались с учительницей, **раз в неделю, это катастрофически мало...** <...> В следующем году, я думаю, третья [дочь], там у них идет деление на три группы: сложная, средняя и совсем простая группа. **Конечно, есть амбиции, мне хочется, чтобы она поступила в сложную группу».** (ж., 39 лет, Москва, 9 детей)*

Фактически именно это отношение становится движущей силой, которая определяет существование респонденток, реализованное в образе «логистики».

Место, где я живу

Если для типа «путешествие» характерно смещение центра тяжести от «здесь» к «там», то тип «логистика» полностью погружен в «здесь», и это «здесь» совершенно особого рода. Нет и следа от «взгляда путешественника». Город, где живет семья, сгущается и конкретизируется. Он переносится из будущего в настоящее, обрывает делами сделанными и запланированными, — иными словами, осмыс-

22. Во фрагментах интервью, приведенных в тексте, имена собственные (имена респондентов и членов их семей, названия) были изменены в целях анонимизации.

ляется в категориях конкретных целей и задач, а не эстетических переживаний или возможностей для собственного профессионального роста. «Близко» и «удобно» — главные положительные характеристики таким образом воспринимаемого пространства.

«Дадут квартиру в [название района], я не поеду [туда], простите, там потому что [название района]. Там совершенно другой контингент живет, во-вторых, там далеко от храма, в-третьих, там нет кружков, которых я хочу, в-четвертых, ко мне туда преподаватели не будут приходить, никто не придет. Да? Вот много есть факторов, я живу здесь, и мне тут хорошо».
(ж., 39 лет, Москва, 9 детей)

Пространственный образ места жительства задается четкими ориентирами (магазин, детский сад, школа, бассейн, музыкальная школа и т. п.), между которыми пролегают регулярно и многократно повторяемые маршруты членов семьи. Перемещения функциональны и сфокусированы на целях и задачах, преимущественно связанных с детьми: отвес(з)ти детей в школу и детский сад, забрать их оттуда, погулять с ними²³. Число выходов из дома, поездок на личном и общественном транспорте обычно очень значительно.

«Если день описать в прошлом году, в понедельник я его отвезла в музыкальную школу. Это раз. Вдвоем поехали. Потом я поехала одна, забрала Сашу, поехала в художественную школу — это два, опять вдвоем мы с ней поехали. Потом оттуда я поехала опять в музыкалку, забрала его, отвела его домой, поехала за ней в художку, отвела ее домой, собрала маленькую, поехала в спортивную школу — два часа там с ней отстояла, приехала обратно».
(ж., 37 лет, Владимир, 3 ребенка)

Во многих случаях выполнение всех необходимых перемещений едва ли возможно силами одной матери, и на помощь приходят не только отец и старшие дети, но и более широкий круг родственников, друзей, знакомых, наемных работников. Разросшаяся система, естественно, ставит перед семьей задачу упорядочивания и организации, в связи с чем и возникает ключевое понятие «логистики»:

*«То есть **все логистические процессы** я отлаживаю, то есть **я строю бизнес-процесс**: вот этого вот в такой вот, видишь, расписание. <...> Все знают четко по времени: с 7 до 8 — дорога в школу, с 8.20 до 15.10 — школа, с 15.30 до 16.15 дорога в академию. То есть расписано даже с дорогой. Вот я **расписываю весь процесс бизнес, всем, значит, это, все понимают свою зону ответственности, кто в какой момент какой ногой, значит, это. И все,***

23. Подробнее о сложностях, с которыми сталкиваются родители при перемещениях по городу с ребенком, находящимся в детской коляске, о восприятии родителями городского пространства, например, о критериях безопасной территории для детей см.: (Филипова, 2012; Чернова, Шпаковская, 2017).

и я вижу, что бизнес-процесс работает, и я периодически контролирую какие-то точки. Ну там, спрашиваю: “Леся, ты где? Все нормально? Ты едешь?” Или с водителем там: “Все, да? Там все?”». (ж., 38 лет, Москва, 3 ребенка)

Даже если жизнь семьи организована более хаотично, требования «логистики» все равно дают о себе знать:

«Но вот так у нас проходит вся вторая половина дня. Потому что папа занимается какими-то бытовыми проблемами, а я занимаюсь уроками с этими несчастными, и решением проблем, кто кого куда повезет, и в течение дня мне надо сообразить, кто кого поведет на музыку, потому что у нас не получается вот так запланировать, составить план на неделю, что этот ребенок идет туда-то, его ведет тот-то, у нас каждый день что-то происходит, получается, что фактически мы живем одним днем». (ж., 39 лет, Москва, 9 детей)

Мать становится менеджером по управлению сложным конгломератом из родственников, добровольных и наемных помощников — множества взрослых, которые обслуживают самореализацию детей. Жизнь семьи напоминает решение сложной технической задачи и организована как бизнес-процесс, где исключительно важную роль играет дисциплинированность всех участников.

Собственное жилище в этом пространстве предстает не более чем одной из функциональных точек на карте необходимых перемещений, и «логистика», пусть и в уменьшенном виде, проникает даже внутрь самого дома.

«Знаете, по большому счету, моя задача — чтобы вместе, в одном месте у нас в квартире, в одно и то же время находилось как можно меньше народу. С одной стороны, это смешно, а с другой стороны — это действительная реальность. Наверное, это потому, что у нас просто вот маленькая квартира, действительно. <...> И поэтому когда все приходят из школы — это такая концентрация, что нужно, в общем, минимизировать это все, иначе все взорвется. Поэтому начинаешь придумывать так, чтобы у одного — курсы, у другого — занятия, вот они — этот придет, а этот должен убежать, а этот то-то. <...> Им уроки негде просто делать. А нужно, чтобы в спокойной обстановке, нужно им сесть как бы, прийти в себя. Поэтому, пока Оля еще в институте, быстро садись за ее стол, а уже Оля пришла — так, беги, пересаживайся туда. А теперь этот пришел — так, иди в ванну, и вот 15 минут в ванной делай чтение». (ж., 40 лет, Москва, 7 детей)

Жилье — всего лишь случайно заданная обстоятельствами рамка, в которой разворачивается не слишком связанное с ней (скорее, текущее через нее) существование семьи. С домом у респонденток не связано никаких особенных эмоций, кроме вполне понятных сетований на тесноту, неудобства и беспорядок. Дом недостижимо далек от идеала, но респондентка вынуждена признать собственное

бессилие и отказывается от стремления что-то всерьез изменить; в сущности, она не причисляет эти вопросы к разряду важных.

«В доме должен быть идеальный порядок. Я за собой пыталась замечать, что я перфекционистка. Листочки не должны так лежать, и вот представляете, как мне приходится через себя перешагивать постоянно. Сколько я должна иметь смирения, тем более мой математический склад ума совершенно не позволяет. Мне ужасно плохо и тяжело. При этом как бы меня никто не понимает, потому что, когда я старшим говорю, понимаешь, ты пришел домой, ты снял одежду, ты ее должен повесить на вешалку, но одежда почему-то всегда оказывается на полу. И ладно бы был один ребенок или два, но когда их девять, и еще приходит папа». (ж., 39 лет, Москва, 9 детей)

«Нет машины, нет квартиры, у нас в материальном плане не очень все хорошо, но я говорю, для нас это не главное, мы живем с ободранными обоями, у нас ремонт, который был последний раз в 1986 году <...>, но опять же мы живем с любовью, и слава Богу». (ж., 39 лет, Москва, 9 детей)

Не удивительно, что при таком способе существования становится практически невозможно удерживать ощущение осознанной совместности; семья как целостность как будто расплзается, распыляется. Это распыление даже приветствуется, потому что позволяет членам семьи отдохнуть и восстановиться.

«...ну жалко, конечно, хочется, чтобы дом был таким домом настоящим, а немножко не получается. Получается такая казарма. Кому-то хочется попрыгать, кому-то хочется попеть, а эти делают уроки, только ходишь на них шипишь: «Тихо, не мешайте, эти спят». Приходится. <...> так, чтобы всем вместе семьей организовать и поехать — это тяжело. <...> Если родители возьмут детей, куда-то с ним там съезжают, я говорю, они действительно много ездят, они фактически, ну стараются, ну не каждые, но через выходные обязательно какие-нибудь музеи, какие-нибудь выставки, это интересно, и потом все музейные работники, в театр какой-то. А папа в это время — чтобы он выспался, пришел в себя, отдохнул». (ж., 40 лет, Москва, 7 детей)

Задача поддержания на ходу всех многочисленных процессов сама по себе настолько затратна, что не оставляет времени и сил на общение или семейные ритуалы. Если они и существуют, то, скорее, между родителями, чем у семьи в целом.

«Мы вдвоем никуда практически не ходим, потому что нас некому отпустить. <...> Как находим время? Не знаю, может быть, когда дети уже легли, это бывает часов в десять, в двенадцать даже ночи. Сядем на кухне чуть-чуть и поговорим. Бывает, что я ему звоню... <...> Бывает... вот сейчас старшему уже пятнадцать, мы иногда на него оставляем детей, пока нам съездить куда-то в магазин, и пока едем, мы можем тоже что-то обсудить. Как-то так. То есть нет такого, чтобы мы специально, при свечах, может быть, к сожалению. Может быть, мне этого и хотелось, завести такую традицию, что мы вместе садимся, дети уже спят, но никогда такого

не бывает, чтобы все спали, и обязательно кто-то бегают, что-то случается». (ж., 39 лет, Москва, 9 детей)

Далекие страны, чужие города

Кажется вполне естественным, что в семье с большим количеством детей дальние поездки и в денежном, и в организационном плане настолько трудноосуществимы, что практически исчезают. В каком-то смысле это действительно так. В нарративах респонденток редко упоминается мир за пределами ближайшего к ним фрагмента, очерченного их частыми и короткими передвижениями. Во всяком случае, с отдаленными местами не связано никаких особенных ожиданий и надежд: *«Не можем мы себе позволить поездки за границу, но, может быть, нам это не нужно»*, — говорит одна из респонденток (ж., 39 лет, Москва, 9 детей).

Однако это только одна сторона дела. В полном соответствии с тем, что фокус самореализации респонденток этого типа смещается с них самих на их детей, исключительная значимость путешествий, на самом деле, не исчезает вовсе, но перекочевывает в область, связанную с развитием детей и открытостью их будущего, которое необходимо обеспечить.

«...мы детям сказали раз и навсегда, говорим: «Ребята, образование и путешествия — это два момента, которые всегда будут, которые мы всегда будем поощрять». Как только вы захотите учиться чему-то, ну понятно, что по финансовым возможностям, но на это всегда там дается. В школе какие-то поездки — ребята, поедете. Потому что вырастете — вы не поедете сами. Сейчас, со школой, они уже там столько объездили всего — это ваше будущее, вы смотрите, вы учитесь. «Мама, а у нас нет штанов». Говорю: «А вот без штанов походишь». «Мама, а ботинки?» Я говорю: «Вот ботинки старые, но вот образование и путешествия — для нас это два вот таких момента, которые всегда будут, ну по возможности, всегда будут оплачиваться». Вот». (ж., 40 лет, Москва, 7 детей)

Дом

Профессия (самореализация)

В третью группу попали замужние женщины с небольшим числом детей (один-два) или (пока что²⁴) бездетные. Для респонденток этого типа ценности самореализации весьма значимы. Они осознают важность хорошего образования, готовы много работать и знают цену себе как работнику.

«...первично, конечно, то, что мне хочется работать, ну мне хочется как-то реализовываться, кроме семьи, потому что для меня домохозяйка —

24. Например, одна из респонденток эксплицитно выражает намерение иметь детей, и их отсутствие на настоящий момент объясняется медицинскими обстоятельствами.

не идеальная роль вообще жизненная, которая может быть, кому-то нравится, кому-то комфортно, мне — нет, и мне нравится заниматься делом каким-то, ну и плюс, как бы я не исключаю, что я бы хотела какой-то карьерной реализации, я никогда, наверное, не хотела быть каким-то большим начальником, не стремилась к этому, но я уходила с должности ведущего специалиста, да, я понимаю, что я там условно могла бы достичь большего, если я буду работать, и, ну, каких-то карьерных притязаний, конечно, не исключаю, но без сверхцелей там и прочего. Ну кто откажется от хорошей зарплаты, да, если у меня будет возможность найти высокооплачиваемую работу, либо расти на какой-то своей работе, там, в должности и в деньгах, всегда круто, как бы okay, здорово, много денег не бывает». (ж., 29 лет, Москва, 2 ребенка)

Тем не менее, пожалуй, нельзя сказать, что все остальное отстывает в их жизни на второй план. Скорее, профессиональный успех здесь, при всей его важности, не более чем одна из составляющих хорошей жизни вообще: ни работа, ни другие стороны жизни (например, уход за ребенком) не должны претендовать на исключительность, захватывать все их время полностью.

Место, где я живу

Ключевой пространственной категорией для третьего типа является «дом». Как и в типе «логистика», жизнь и мысли респонденток прежде всего связаны с их ближайшим окружающим миром. Но сходство со вторым типом оказывается только формальным. Во-первых, их горизонт не так жестко определяется тесным кругом, очерченным рутинными передвижениями. Во-вторых, что более существенно, речь в данном случае идет уже не просто о случайной фактичности «какого-то» жилья, но об осознанном, прочувствованном и продуманном отстраивании своего бытия «здесь». «Дом» становится пространственным выражением некоторой искомой целостности, символом благополучного сосуществования, которое требует усилий по его созданию и поддержанию. Дом нужен не для того, чтобы «переночевать» («путешествие»), и не для того, чтобы «выживать» («логистика»); дом нужен, чтобы «жить (хорошо)».

В интервью из этой группы описывается способность получать удовольствие от пребывания «здесь», а пространство дома — как комфортное, подходящее для жизни, а нахождение в нем приносит удовольствие.

«...мы с Тимой люди такие размеренные, мы любим дома быть, не спешим выезжать, трижды подумаем, прежде чем куда-то поехать или даже пойти. С удовольствием находимся дома. Занимаемся ничем, так скажем. Я в основном что-то по хозяйству делаю, для меня это тоже отдых, готовка, например, я люблю готовить. Я прошу Тиму посидеть с Зоей, или, если она спит, просто сама поготовлю. Он в это время может, он много читает по работе и слушает, там подготовка к каждому клиенту занимает полтора часа, после еще час на обработку данных, какие-то статьи, еще что-то. В основном

это. Но можем и поваляться, что-то посмотреть, почитать, поговорить, особенно за чашкой чая». (ж., 28 лет, Москва, 1 ребенок)

Не удивительно, что обустройство своего «гнезда» занимает важное место в мыслях респонденток и отнимает значительную часть их времени.

«Ну у нас, как Федор родился, месяца до этого мне уже снятся диваны, люстры, кровати. После отбоя детей сижу: так, эта люстра плохая, эта люстра хорошая, сюда нужно такое бра, сюда нужен такой ковер, я уже просто...» (ж., 29 лет, Москва, 2 ребенка)

Ремонт не просто скучная неприятность. Дом — необходимое условие возможности прекрасного совместного будущего. Для респонденток очевидно, что он, например, должен бы предшествовать рождению детей:

«У меня был дикий нервняк, когда мы не успевали к рождению Федора [закончить ремонт новой квартиры], и типа как так, как мы, где мы вообще будем жить, а потом, когда уже родился, и мы тут уже какое-то время прожили и поняли, что существовать можно, я уже такая думаю: “Господи, лишь бы он [ремонт] когда-нибудь закончился уже”». (ж., 29 лет, Москва, 2 ребенка)

Дом позволяет осмыслить жизнь с мужем и детьми под одной крышей как общность, обладающую собственной ценностью. Свидетельством этому является культивация различных семейных ритуалов.

*«Выходные мы стараемся вместе проводить, и куда-нибудь. Ну как, сейчас [в период ограничений в связи с пандемией коронавируса] — возможности нет, а так мы старались **всегда хотя бы раз в неделю куда-то выбираться**, там в центр погулять, на выставку сходить, в музей — не в музей, там куда-нибудь в парк, там еще что-то». (ж., 29 лет, Москва, 2 ребенка)*

Далекие страны, чужие города

Для респонденток этого типа характерно выраженное чувство привязанности к дому и «своему месту» в более широком смысле (району, городу, стране...), в том числе несмотря на реальные возможности изменить свое место жительства.

И.: были мысли куда-то переехать, или...?

Р.: Нет. Но была однажды поездка в Италию на стажировку. После этого решила, что переезжать не буду.

И.: Почему?

Р.: Везде хорошо, но дома лучше». (ж., 28 лет, Москва, 1 ребенок)

При этом поездки, знакомство с другими городами и странами рассматриваются как ценный опыт. Это роднит представительниц этой группы с типом «путеше-

стве»: очень важно бывать в других местах, это развивает, расширяет кругозор. Примечательно, что в цитате, приведенной ниже, респондентка упоминает путешествия на первом месте в ряду крупных, «глобальных» дел, которые отличают человека, не остановившегося в своем развитии (не «деградирующего»). При этом заметим, что дети тоже попадают в этот список.

«И.: Просто ты говоришь общине [с мужем] цели, в чем они?

Р.: Делать что-то крутое, масштабное. Не деградировать, много путешествовать, дети. Квартиры покупать. Так, в целом. Какие еще бывают общине цели? Мир спасти, но это я в первом пункте сказала про масштабное, что-то менять, делать лучше». (ж., 27 лет, Москва, нет детей)

Однако этим общим положительным отношением к путешествиям и исчерпывается сходство с «логистикой». Отмеченные выше аспекты, отличающие тип «дом», проявляют себя и тогда, когда речь заходит о туристических поездках. Прежде всего радостью, которую респондентки испытывают, не только уезжая, но и возвращаясь домой.

«У меня до сих пор сохранилось чувство «перезагрузки», когда ты куда-то уезжаешь хоть и на два дня, даже когда в Питер на пару дней ездили. Остается какой-то классный осадок, когда уезжаешь куда-то и возвращаешься». (ж., 27 лет, Москва, 1 ребенок)

Помимо этого, сами поездки, кажется, у респонденток этого типа работают на культивацию все того же «дома». Они служат поддержанию и упрочению пары или семьи как целостности и оставляют после себя не столько впечатления от нового места, сколько эмоционально насыщенный опыт совместности.

«Прям самый такой хороший, мне кажется, период был, когда, ну уже много времени прошло, ну прямо мне просто запомнился какой-то период, когда у нас Васе было, наверное, месяцев восемь, и мы вместе поехали в наш такой совместный тройной отпуск. Мы поехали в Тбилиси, вот, это был такой классный период, потому что мы много гуляли. Здесь был такой февраль-март, [когда] мы уезжали из Москвы, здесь было так серо, уныло, а мы туда приехали — там цветущие сады, мы неделю были втроем, там ходили вкусно ели, пили вино, смотрели на красивые места и было прямо вообще очень классно». (ж., 29 лет, Москва, 2 ребенка)

Заключение. Дискуссия

На основе приведенных материалов можно увидеть, что ценности самореализации значимым образом присутствуют в жизни респондентов, инкорпорированы в их практики и жизненные проекты. То, как респонденты описывают свои способы использования пространства, дает нам возможность поставить под вопрос

однозначность связи, во-первых, ценностей самореализации с отказом от брака и детей, а во-вторых — семьи с деторождением. Именно фокусировка на принципиальном различии логик использования пространства, бытования в пространстве позволяет проявиться собственной логике бытования семьи с одним-двумя детьми. Из нарративов респондентов мы взяли три ключевые метафоры: «путешествие», «логистика» и «дом». Все они описывают места, способы их соотнесения, варианты перемещения между ними или области потенциально возможных перемещений: в некоторых случаях главными оказываются передвижения, в других — место и его устройство, организация.

Нужно отметить, что описание типичных мест и области потенциальных перемещений содержит в себе и отношение к ценностям: одновременно с появлением пространственных категорий производятся и отсылки к ценностям самореализации. Речь не всегда идет о безусловной «корреляции» ценности и пространственной логики; о такой «корреляции» физического и социального пространства²⁵, пожалуй, можно говорить только в случае «путешествия»²⁶. В двух других случаях ситуация выглядит сложнее. В типе «дом» мы видим столкновение ценности самореализации и такой логики использования пространства, которая требует не движения, но остановки, не перемены мест, но обустройства существующего (места, пространства). В случае «логистики» ситуация еще сложнее. Здесь пространственная логика как будто вдохновляется ценностью самореализации; отчасти же противостоит ей. Индивид, разделяющий данную ценность, не самореализуется, и все должностное значение ценности переносится на детей: характерно, например, что «образование и путешествия» остаются неискоренимым элементом — пусть не для себя, но для детей. В результате пространственные практики обеспечения этой самореализации в значительной части меняются.

Анализ нарративов респондентов о своей жизни, выполненных в пространственных категориях, дает нам возможность иначе взглянуть на обозначенные в начале статьи демографические проблемы и противоречия. Так, ценность самореализации обнаруживается не только у малодетных и бездетных, но и у ряда многодетных (и даже сверхмногодетных!). С появлением детей ценности самореализации сохраняют свое значение, но имеющееся количество детей вынуждает менять практики, связываются, скорее, с будущим детей, чем с собственной жизнью. Таким образом, проделанный анализ интервью позволяет показать, что отношение между количеством детей и ценностью самореализации оказывается более сложным, чем предполагает исходная модель, описанная во введении.

---

25. В той мере, в какой вообще возможно говорить о ценностях как части социального пространства.

26. В данной статье мы не раскрываем дихотомию путешествия/движения по карьерной лестнице (движения вперед и вверх), хотя это можно было бы сделать. Можно предположить, что она соответствует двум совершенно разным типам индивидуализма — утилитарного и экспрессивного. Возможно, и понимание самореализации также может быть соотнесено как с одним, так и с другим типом индивидуализма.

Еще более любопытным является противопоставление пространственной логики (логики использования пространства) малодетных двум другим логикам (бездетным и многодетным). Прежде всего отметим, что нам удалось продемонстрировать сам факт наличия самостоятельной логики, в которой живут малодетные семьи, и тем самым дополнить и усложнить исходную модель «ценности-брак-деторождение». Логика «дома» — это логика обустройства и остановки, логика культивации целостности семьи; она противостоит логикам движения («путешествие» и «логистика»). Это заставляет далее задуматься над тем, не опрометчиво ли отождествлять «семью» и «деторождение». Кажется, что семья как «дом»²⁷ требует остановки и освоения наличного пространства (жизненного мира) и в этом смысле как будто работает против увеличения числа детей. Многодетность, пожалуй, не исключена в принципе, но соотносена с имеющимися ресурсами, которые бы позволили удерживать целостность семьи и обустроенность «своего мира», несмотря на большее число детей. Не исключено, что существует оптимальное значение для размера дома и семьи, выше которых удерживать целостность становится едва ли возможно.

На примере выделенных типов проявляется неоднозначность соотношения самореализации и индивидуализма. Ценности самореализации значимы для всех трех типов, но индивидуалистические установки и поведение ярко выражены только в одном из них («путешествие»). В то же время в типе «дом» индивид соотносит свою самореализацию с благополучием всех остальных членов своей семьи, а в случае «логистики» и вовсе создается сложный конструкт из людей, мест и отношений, призванный обеспечить условия для самореализации младшего поколения.

Что касается социально-практической перспективы, то проведенный анализ позволяет выдвинуть предположение о том, что максимизация деторождения и устройство семьи являются взаимосвязанными, но не всегда однопавленными процессами. Между тем сегодня как в бытовом восприятии, так и на уровне церковной проповеди или принятия государственных решений поддержка деторождения и поддержка семей отождествляются. При этом (только?) семья, вероятно, является средой, где формируется способность, предрасположенность к особому рода солидарности, очень важной для общества — солидарности, которая проявляется в большей снисходительности и выносливости к незначительным изъянам и неприятным особенностям людей, с которыми человеку приходится иметь дело в жизни. Предложенная гипотеза требует более детального рассмотрения и проверки, но уже сейчас можно сказать, что она согласуется по крайней мере с некоторыми эмпирическими результатами других авторов — исследователей и практиков (Борисова, Павлюткин, 2019; Бородин, 2018).

---

27. Возможно, логика «дома» соотносится с логикой «oikos» — замкнутой в себе системы обеспечения жизни, и продолжает навязывать действующим некое подобное требование.

Таким образом, эмпирический результат (или, скорее, обоснованное предположение) настоящего исследования состоит в том, что малодетный «дом» нельзя интерпретировать как урезанную версию многодетной «логистики» (и наоборот), в то время как сверхмногодетные и бездетные оказались в чем-то гораздо ближе друг к другу, чем к малодетным. Этот результат мог быть получен благодаря тому, что в фокусе исследования оказались способы использования пространства индивидами и их описания пространственных практик. В интервью респондентов мы сталкивались (1) с описаниями реальных практик использования пространства и (2) с пространственными метафорами, использовавшимися респондентами для осмысления не только передвижения, но всей своей жизни. Так, идея «логистики» первоначально появилась в интервью исключительно для описания способа жизни матери многодетной семьи, но далее в ходе этого интервью она использовалась уже для самоидентификации женщины (она — человек, отвечающий за логистику, специалист по семейной логистике и т. д.). И этот переход описания реальных практик в метафоры и возникновение и использование пространственных метафор для самоосмысления является отдельной важной и интересной темой, которую в данной статье мы не раскрываем²⁸.

Литература

- Архангельский В. Н. (2006). Факторы рождаемости. М.: ТЕИС.
- Вишневский А. Г. (2019). Демографическая история и демографическая теория. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ.
- Борисова О. Н., Павлюткин И. В. (2019). Вариативность моделей современной городской многодетности: возрождение традиции, новые браки или сетевые эффекты? // Мир России. Социология. Этнология. Т. 28. № 4. С. 128–151.
- Бородин Ф. (2018). Дети священника растут без отца, а жена отвернулась к стенке и ревет. <https://www.pravmir.ru/deti-svyashhennika-rastut-bez-otsta-a-zhena-otvernulas-k-stenke-i-revet/>
- Бурдые П. (2001). Практический смысл / Пер. с фр. А. Т. Бикбов, К. Д. Вознесенская, С. Н. Зенкин, Н. А. Шматко; отв. ред. пер. и послесл. Н. А. Шматко. СПб.: Алетейя.
- Голева М. А., Павлюткин И. В. (2016). Социальные сети и рождаемость // Экономическая социология. Т. 17. № 1. С. 83–98.
- Горелкина О. Г. (2007). Микроанализ рождаемости в России: роль неэкономических факторов // Прикладная эконометрика. Т. 5. № 1. С. 58–73.
- Демографическая модернизация России, 1900–2000 (2006) / Под ред. А. Г. Вишневского. М.: Новое издательство.

---

28. Подробнее о пространственных метафорах см. напр.: (Филиппов, 2008; Silber, 1995; Yu, 2016).

- Дорофеева З. Е.* (2021). Особенности интенсивного родительства в высокоресурсных многодетных семьях // ИНТЕРАкция. ИНТЕРвью. ИНТЕРпретация. Т. 13. № 1. С. 89–105.
- Захаров С. В., Чурилова Е. В., Агаджанян В. С.* (2016). Рождаемость в повторных союзах в России: позволяет ли вступление в новый супружеский союз достичь идеала двухдетной семьи? // Демографическое обозрение. Т. 3. № 1. С. 35–51.
- Лебедева Л. Г.* (2019). Трансформация семьи и преемственность поколений // Социодинамика. № 9. С. 1–8.
- Ливи Баччи М.* (2010). Демографическая история Европы / Пер. с итал. А. Ю. Миролюбовой. СПб.: Александрия.
- Малева Т. М., Синявская О. В.* (2006). Социально-экономические факторы рождаемости в России: эмпирические измерения и вызовы социальной политике // SPERO. № 5. С. 70–98.
- Малева Т. М., Тындик А. О.* (2013). Потенциал роста рождаемости в России: уроки мегаполиса // Журнал Новой экономической ассоциации. Т. 17. № 1. С. 137–158.
- Павлюткин И. В., Голева М. А.* (2020). Как создаются семьи с большим числом детей: типы жизненных переходов родителей // Социологические исследования. № 7. С. 106–117.
- Рощина Я. М., Бойков А. В.* (2005). Факторы фертильности в современной России. М.: EERC.
- Синявская О. В., Тындик А. О.* (2009). Рождаемость в современной России: от планов к действиям? // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / Т. М. Малева, О. В. Синявская, С. В. Захаров (ред.). Вып. 2. М.: Независимый институт социальной политики. С. 9–44.
- Тындик А. О.* (2012). Репродуктивные установки и их реализация в современной России // Журнал исследований социальной политики. № 3. С. 361–376.
- Филипова А. Г.* (2012). Социальное пространство детства: принципы маркирования территорий // Журнал исследований социальной политики. № 1. С. 79–94.
- Филиппов А. Ф.* (2008). Социология пространства. СПб.: Владимир Даль.
- Шелехов И. Л., Берестнева О. Г., Жаркова О. С.* (2010). Анализ факторов, определяющих демографическую ситуацию в современной России // Вестник Томского государственного педагогического университета. № 5. С. 135–141.
- Шпаковская Л. Л., Чернова Ж. В.* (2017). Город, дружелюбный семье: новое публичное пространство для детей и их родителей // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. № 2. С. 160–177.
- Шюц А.* (2004). Размышления о проблеме релевантности // Шюц А. Мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН. С. 235–400.
- Garfinkel H., Lynch M., Livingston E.* (1981). The Work of a Discovering Science Construed with Materials from the Optically Discovered Pulsar // Philosophy of the Social Sciences. Vol. 11. № 2. P. 131–158.

- Hoffmann-Nowotny H.-J.* (1987). The Future of the Family // European Population Conference 1987. Vol. 1. Helsinki: Central Statistical Office of Finland. P. 113–198.
- Inglehart R.* (1971). The silent revolution in Europe: Intergenerational change in post-industrial societies // American political science review. Vol. 65. № 4. P. 991–1017.
- Inglehart R.* (2018). Culture shift in advanced industrial society. Princeton University Press.
- Kaa van de D.* (1987). Europe's Second Demographic Transition // Population bulletin. Vol. 42. № 1. P. 1–59.
- Kaa van de D.* (1996). Anchored Narratives: The Story and Findings of Half a Century of Research into the Determinants of Fertility // Population Studies. Vol. 50. № 3. P. 423–426.
- Kaa van de D.* (2002). The Idea of a Second Demographic Transition in Industrialized Countries // Japanese Journal of Population. № 1.
- Kuhn H.* (1940). The Phenomenological Concept of Horizon // Philosophical Essays in Memory of Edmund Husserl / ed. by M. Faber. Cambridge. P. 106–124.
- Lestaege R.* (1983). A Century of Demographic and Cultural Change in Western Europe: an Exploration of Underlying Dimensions // Population and Development Review. Vol. 9. № 3. P. 411–435.
- Lynch M., Livingston E., Garfinkel H.* (1983). Temporal Order in Laboratory Work // Science Observed: Perspectives on the Social Study of Science / K. Knorr-Cetina, M. Mulkay (eds.). London: SAGE. P. 205–238.
- Silber I. F.* (1995). Space, fields, boundaries: The rise of spatial metaphors in contemporary sociological theory // Social research. Vol. 62. № 2. P. 323–355.
- Testa M. R.* (2012). Family Sizes in Europe: Evidence from the 2011 Eurobarometer Survey // European Demographic Research Papers. № 2.
- Yu N.* (2016). Spatial metaphors for morality: A perspective from Chinese. Metaphor and Symbol. Vol. 31. № 2. P. 108–125.

Self-realization and Children: Logics of Space Usage in the Narratives of Russian Women

Ivan Zabaev

Candidate of Sociological Sciences, head of the "Sociology of Religion" Research Laboratory; St. Tikhon's Orthodox University. Address: 23B, Novokuznetskaya str., Moscow, 115184, Russian Federation. E-mail: zabaev-iv@yandex.ru.

Elizaveta Kostrova

Candidate of Philosophical Sciences, research fellow at the "Sociology of Religion" Research Laboratory; St. Tikhon's Orthodox University. Address: 23B, Novokuznetskaya str., Moscow, 115184, Russian Federation. E-mail: elizakos@mail.ru.

Mariia Goleva

MA in Sociology, junior research fellow at the "Sociology of Religion" Research Laboratory; St. Tikhon's Orthodox University. Address: 23B, Novokuznetskaya str., Moscow, 115184, Russian Federation. E-mail: m.goleva@mail.ru.

Demographic issues inspire the steady interest of researchers. Therefore, a thesis about the interconnection of fertility decline with the spread of values of self-realization and individualization is still important. In this article, the mentioned interrelation is considered in the context of pragmatic and spatial turn in the social sciences. Analyzing interviews on family topics with Russian women (53 in-depth interviews conducted in 2008-2021), we found that categories of childbirth and self-realization are also interconnected with a spatial narrative. Three logics of space usage have been identified; these are "journey", where a person sees an almost unlimited horizon of life strategies and abilities; then, "logistics" represents practices of organization of all family members due to the spatial distances between schools and other spaces for extracurricular activities, that is, places that ensure the self-realization of children. Finally, the metaphor "home" symbolizes the logic of the constant efforts of maintaining the integrity and unity of the domestic (or family) world as well as the balance between departures and arrivals. The values of self-realization are significant for all three types, but individualistic attitudes and behavior are clearly expressed only in "journey". The metaphor "home" means that an individual corresponds his self-realization with the well-being of other family members. In case of "logistics", a large construct of people, places, and relationships is created to provide the conditions for self-realization. All in all, this study suggests that the relationship between values and behavior of individuals (in particular, behavior related with childbirth) is more complicated than it often seems. The article suggests that various logics of using space allow us to see discrepancies between such seemingly tightly-connected things as building a family and having children (maximizing the number of children).

Keywords: logics of space usage, values of self-realization, childbirth, fertility, pragmatic and spatial turn, religion

References

- Arhangel'skij V. N. (2006) *Faktory rozhdaemosti* [Fertility factors], Moscow: TEIS.
- Bourdieu P. (2001) *Prakticheskij smysl* [Practical meaning] (translated from French: A. T. Bikbov, K. D. Voznesenskaya, S. N. Zenkin, N. A. Shmatko; Ed. trans. and Afterword by N. A. Shmatko), Saint-Petersburg: Aleteya.
- Demograficheskaja modernizacija Rossii 1900-2000* [Demographic modernization of Russia, 1900-2000] (2006) (Ed. A. G. Vishnevsky), Moscow: New Publishing House.
- Dorofeeva Z. E. (2021) Osobennosti intensivnogo roditel'stva v vysokoresursnyh mnogodetnyh sem'jah [Intensive Parenting in High-Resource Multi-Child Families]. *Interakcion. Interview. Interpretation*, vol. 13, no 1, pp. 89-105.
- Filipova A. G. (2012) Sotsial'noye prostranstvo detstva: printsipy markirovaniya territorij [Social space of childhood: principles of territory marking]. *Zhurnal issledovanij social'noj politiki* [The Journal of Social Policy Studies], vol. 10, no 1, pp. 79-94.
- Filippov A. F. (2008) *Sociologija prostranstva* [Sociology of Space], Saint-Petersburg: Vladimir Dahl.
- Garfinkel H., Lynch M., Livingston E. (1981) The Work of a Discovering Science Construed with Materials from the Optically Discovered Pulsar. *Philosophy of the Social Sciences*, vol. 11, no 2, pp. 131-158.
- Goleva M., Pavlyutkin I. (2016) Sotsial'nye seti i rozhdaemost' [Social Networks and Fertility]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Journal of Economic Sociology], vol. 17, no 1, pp. 83-98.
- Gorelkina O. G. (2007) Mikroanaliz rozhdaemosti v Rossii: rol' neekonomicheskikh faktorov [Microanalysis of fertility in Russia: the role of non-economic factors]. *Prikladnaja jekonometrika* [Applied Econometrics], vol. 5, no 1, pp. 58-73.
- Hoffmann-Nowotny H.-J. (1987) The Future of the Family. *European Population Conference 1987*, vol. 1, Helsinki: Central Statistical Office of Finland, pp. 113-198.
- Inglehart R. (1971) The silent revolution in Europe: Intergenerational change in post-industrial societies. *American political science review*, vol. 65, no 4, pp. 991-1017.
- Inglehart R. (2018) *Culture shift in advanced industrial society*, Princeton University Press.

- Kaa van de D. (1987) Europe's Second Demographic Transition. *Population bulletin*, vol. 42, no 1, pp. 1–59.
- Kaa van de D. (1996) Anchored Narratives: The Story and Findings of Half a Century of Research into the Determinants of Fertility. *Population Studies*, vol. 50, no 3, pp. 423–426.
- Kaa van de D. (2002). The Idea of a Second Demographic Transition in Industrialized Countries. *Japanese Journal of Population*, no 1.
- Kuhn H. (1940) The Phenomenological Concept of Horizon. *Philosophical Essays in Memory of Edmund Husserl* (ed. M. Faber), Cambridge, pp. 106–124.
- Lebedeva L. G. (2019) Transformacija sem'i i preemstvennost' pokolenij [Transformation of the Family and Succession of Generations]. *Sociodinamika*, no 9, pp. 1-8.
- Lestaeghe R. (1983) A Century of Demographic and Cultural Change in Western Europe: an Exploration of Underlying Dimensions. *Population and Development Review*, vol. 9, no 3, pp. 411–435.
- Livi Bacci M. (2010) *Demograficheskaia istorija Evropy* [Demographic History of Europe] (translated from Italian by A. Yu. Mirolyubova), Saint-Petersburg: Alexandria.
- Lynch M., Livingston E., Garfinkel H. (1983) Temporal Order in Laboratory Work. *Science Observed: Perspectives on the Social Study of Science* (eds. K. Knorr-Cetina, M. Mulkay), London: SAGE, pp. 205–238.
- Maleva T. M., Sinjavskaja O. V. (2006) Social'no-jekonomicheskie faktory rozhdaemosti v Rossii: jempiricheskie izmerenija i vyzovy social'noj politike [Socio-economic Factors of Fertility in Russia: Empirical Measurements and Challenges to Social Policy]. *SPERO*, no 5, pp. 70–98.
- Maleva T. M., Tyndik A. O. (2013) Potencial rosta rozhdaemosti v Rossii: uroki megapolisa [The Potential of Fertility Growth in Russia: Lessons of Megapolis]. *Zhurnal Novoj jekonomicheskoj asociacii* [Journal of the New Economic Association], vol. 17, no 1, pp. 137–158.
- Pavlyutkin I., Goleva M. (2020) Kak sozdajutsja sem'i s bol'shim chislom detej: tipy zhiznennyh perehodov roditelej [How do Families with Many Children Emerge? Typology of Parents' Transitions]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], no 7, pp. 106-117.
- Roshchina Ya. M., Boykov A. V. (2005) *Faktory fertilnosti v sovremennoj Rossii* [Fertility Factors in Modern Russia], Moscow: EERC.
- Schutz A. (2004) Razmyshlenija o probleme relevantnosti [Reflections on the Problem of Relevance]. *The world glowing with meaning*, Moscow: ROSSPEN, pp. 235–400.
- Shelehov I. L., Berestneva O. G., Zharkova O. S. (2010) Analiz faktorov, opredelajushih demograficheskiju situaciju v sovremennoj Rossii [Analysis of Factors Determining the Demographic Situation in Modern Russia]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State Pedagogical University], no 5, pp. 135–141.
- Shpakovskaya L. L., Chernova Zh. V. (2017) Gorod, družhestvennyy sem'ye: novoye publichnoye prostranstvo dlya detej i ikh roditelej [Family-friendly city: new public space for children and their parents]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], no 2, pp. 160–177.
- Silber I. F. (1995) Space, fields, boundaries: The rise of spatial metaphors in contemporary sociological theory. *Social research*, vol. 62, no 2, pp. 323–355.
- Sinjavskaja O. V., Tyndik A. O. (2009) Rozhdaemost' v sovremennoj Rossii: ot planov k dejstvijam? [Birth Rate in Modern Russia: from Plans to Actions?]. *Roditeli i deti, mužchiny i zhenshhiny v sem'e i obshchestve. Vypusk 2* [Parents and Children, Men and Women in the Family and Society. Issue 2.] (eds. T. M. Maleva, O. V. Sinyavskaya, S. V. Zakharov), Moscow: Nezavisimyj institut social'noj politiki [Independent Institute of Social Policy], pp. 9–44.
- Testa M. R. (2012) Family Sizes in Europe: Evidence from the 2011 Eurobarometer Survey. *European Demographic Research Papers*, no 2.
- Tyndik A. O. (2012) Reproktivnyye ustanovki i ih realizacija v sovremennoj Rossii [Reproductive Attitudes and Their Implementation in Modern Russia]. *Zhurnal issledovanij social'noj politiki* [The Journal of Social Policy Studies], no 3, pp. 361–376.
- Vishnevskij A. G. (2019) *Demograficheskaia istorija i demograficheskaia teorija* [Demographic History and Demographic Theory], Moscow: HSE Publishing House.

- Yu N. (2016) Spatial metaphors for morality: A perspective from Chinese. *Metaphor and Symbol*, vol. 31, no 2, pp. 108–125.
- Zaharov S.V., Churilova E.V., Agadzhanjan V. S. (2016) Rozhdaemost' v povtornyh sojuzah v Rossii: pozvoljaet li vstuplenie v novyj supruzheskij sojuz dostich' ideala dvuhdetnoj sem'i? [Birth rate in Remarriages in Russia: Does Entering in a New Marital Union Allow You to Achieve the Ideal of a Two-Child Family?]. *Demograficheskoe obozrenie* [Demographic Review], vol. 3, no 1, pp. 35–51.